

DANA BALÁKOVÁ
VIERA KOVÁČOVÁ

Ružomberok

Фразеологическая компетенция в лингвокультурологическом аспекте. Чешский – словацкий, чешский – польский языки

Современные исследования межъязыковой компетенции рассматривают указанную проблематику в широком социо-культурном контексте, в котором, напр., в отношении к славянским языкам, отражается большая или меньшая степень этно-психологической близости представителей отдельных славянских народов, их культурное родство, а также ракурсы историко-общественного развития.

Исследование коммуникативной межъязыковой компетенции совершенно естественно включает в себя и изучение компетенции фразеологической как один из необходимых компонентов изучения другого языка, который обуславливает понимание иноязычного коммуниката, и, напр., в отношении к уверенному и умелому употреблению фразем является проверкой общей коммуникативной способности носителей соответствующего языка.

Тема фразеологической компетенции в широких славяноязычных взаимоотношениях (чешский, словацкий, польский языки) первоначально заинтересовала нас в контексте взаимосвязей словацкого и чешского языков, которые были и остаются источником постоянного исследования. Обычно, однако, основное внимание при анализе восприятия иноязычного текста уделялось прежде всего лексическим средствам – при отсутствии углублённого взгляда на фразеологический аспект. Стремление хотя бы частично ликвидировать «белое пятно» в предшествующих исследованиях и стало одной из основных мотиваций социолингвистического обследования, направленного на анализ фразеологической компетенции чешских респондентов – предста-

вителей микрообщества чешских студентов или современного самого молодого поколения, вырастающего в изменённых социально-политических и культурных условиях после разделения Чехии и Словакии.

Одновременно результаты предыдущих исследований в области чешско-словацких языковых отношений и вытекающие из них наблюдения о перспективах позиций, восприятия и соответствующего понимания словацкого текста в чешском языковом пространстве привели нас к идее расширить фразеологическое зондирование в направлении к ещё одному родственному славянскому языку – польскому, чтобы выяснить, до какой степени в таких межфразеологических рамках остаются актуальными тезисы об удалении (Nábělková) или несближении (Mitter) чешского и словацкого языков, а именно – сравнить посредством сопоставления степени способности чешских респондентов корректно интерпретировать фразеосемантически группу эквивалентных фразем двух западнославянских языков, характеризующихся высокой степенью родства по отношению к чешскому языку – словацкому и польскому.

На прогноз функционирования (функционального понимания) словацкого языка в чешской среде, так же как и наоборот – чешского языка в словацкой среде можно смотреть в ракурсе потенциальной компетенции взаимного восприятия (аперцепции), которая обусловлена близким языковым родством и для актуализации которой необходимо определённое соответствующее количество импульсов. В случае же их отсутствия либо ограничения (вопреки генетической константе – близкородственным отношениям и обусловленного ими лёгкого «овладения» межъязыковых различий) происходит подавление готовности восприятия. Й. Дольник [Dolník 2007], имея в виду анализ так называемых стереотипов (стандартизированных суждений, действенных в рамках определённой культурной среды и структурирующих восприятие взаимоотношений представителей данных культур – аккомодационный, делимитационный, барьерный, ментальный, эвристический стереотипы), которые используются в чешско-словацком контексте, обращает внимание на побочный признак языкового и национального сознания словаков, – эпифеномен, высшую степень их готовности к аккомодации, склонности к аккомодации, вытекающей из исторических обстоятельств и подверженной актуализации [Dolník 2007, 135–136]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что результаты исследования проблематики словацко-чешского и чешско-словацкого билингвизма в изменившихся общественно-политических условиях после 1989 года, особенно в языковой среде самого младшего поколения – при взаимном сопоставлении – приносят более положительные результаты на словацкой стороне. На чешской стороне исследования дают более амбивалентную картину, в которой свою роль в рамках определённой части чешского общества (особенно связанной с самым младшим поколением) играет именно отсутствие навыка воспринимать разговорные или письменные сло-

вацкие тексты, а тем самым – снижение определённого количества импульсов, необходимых для актуализации потенциальной компетенции восприятия, что в конечном итоге создаёт носителям чешского языка определённые проблемы при контакте со словацким текстом либо минимальный дискомфорт такого восприятия (ср. по этому поводу: Nábělková 2005, 251, 258). Кроме стремления отразить и проанализировать современные, даже самые противоречивые, тенденции, действующие в условиях словацкого присутствия в современной чешской языковой ситуации [Nábělková 2006, 451], появляется и сдвиг по направлению к крайнему полюсу, т. е. прогноз возведения позиции словацкого языка на уровень остальных славянских языков, особенно языков западнославянских, что в близком будущем может отразиться тоже как прогноз эквивалентности восприятия словацкого и польского языков (см. в этой связи комментарий Й. Дольника [Dolník 2007, 137]). Хотя приведенные крайние случаи перспектив пока ещё не обрели своей надёжной исходной позиции, в социолингвистических исследованиях уже начинает появляться целевая установка на анализ отношений чешских респондентов к словацкому языку именно сквозь призму отношения к другим славянским языкам. Можно вспомнить, напр., анкетное зондирование П. Миттера [Mitter 2007], направленное на восприятие словацкого языка студентами чешских вузов, где один из вопросов относился к выявлению их отношения к словацкому языку (язык близкий – язык иностранный, подобно другим славянским языкам – язык и не близкий, и не иностранный). В то время как 74% респондентов считают словацкий язык близким языком и никто из участников анкетирования не воспринимает словацкий язык в качестве языка иностранного – на уровне других славянских языков – можно констатировать, что результаты исследования подтвердили определённое «нестандартное» отношение чешских испытуемых к словацкому языку. Оставшиеся 26% опрошиваемых при этом оценивали своё отношение к словацкому языку как неопределённое: он не является для них ни близким, ни иностранным языком. По отношению и к этой группе ответов П. Миттер склоняется к гипотезе несближения словацкого с чешским языком на территории Чешской республики для младшего поколения; в случае же с пожилым и средним поколениями он соглашается с мнением М. Набельковой [Nábělková 1999] о периоде «расхождения» или «удаления» [Mitter 2007, 230, 233].

В любом случае рассмотрение межъязыковой компетенции молодого чешского поколения на славянском (словацком или польском) фоне, представленное в нашем докладе фразеологической компетенцией, может дать интересный ракурс проблематики взаимоотношений словацкого и чешского языков и их перспективы, а именно – на основе сопоставления восприятия польского языка как другого славянского языка. Хотя при анализе результатов нашего исследования необходимо подчеркнуть, что речь идёт лишь о сегменте части межъязыковой компетенции, а не о всей компетен-

ции как таковой, сам факт, что знание фразеологии является важным мерилом владения как родным, так и иностранным языками, превращает *paris pro toto* способность надлежащим образом семантизировать фразеологические единицы соответствующего языка (в нашем исследовании словацкого и польского) в объективную документализацию адекватного понимания иноязычного (хотя и генетически родственного) коммуниката. В то же время сопоставление степени понимания фразеологических эквивалентов словацкого и польского языков чешскими респондентами даёт возможность по-новому взглянуть на дискуссию о современном состоянии (а следовательно, и перспективах) словацкого языка в чешской языковой среде, осознавая при его оценке не только традиционно отражённую в исследованиях степень неприближённости или удалённости словацкого и чешского языков в новых общественно-политических условиях в масштабе определённого дискомфорта при восприятии словацкого текста носителем чешского языка, но – *vice versa* – отражение результатов исследования на основе осознания близости в восприятии словацкого языка и обусловленного этим комфорта восприятия или более низкой степени дискомфорта восприятия по сравнению с другим родственным языком – языком польским. При характеристике результатов фразеологического исследования тем самым мы исходим из двух масштабов: первый представляет отношение чешского языка к словацкому, второй – отношение польского языка к чешскому. Неизбежно более широкие теоретико-методологические исходные положения при этом опираются на генетический и типологический анализ славянских языков (ср. напр. Pauliny 1963, Dudášová-Kriššáková 2001). Межъязыковое родство, с одной стороны, и межъязыковая дифференциация – с другой, обеспечивают необходимые для нашего доклада основные предпосылки для оценки полученных результатов приблизительно в следующих измерениях:

– фактор генетического родства (близкородственные отношения словацкого, чешского и польского языков) опирается на статус этих славянских языков как языков западнославянских, более высокая степень близости при этом наблюдается между словацким и чешским языками как представителями южной, чешско-словацкой подгруппы западнославянского макроареала в противопоставлении к польскому языку, относящемуся к лехитской подгруппе;

– влияние родного (чешского) языка респондентов на интерпретацию фразеологических единиц в двусторонних взаимосвязях – родство языков с одной стороны облегчает понимание фразем родственного славянского языка, с другой стороны восприятие отдельных компонентов сквозь призму фонетических, морфологических, лексических специфических особенностей родного языка может направить на «ложный след» и как следствие этого привести к ошибочной интерпретации фраземы (ср., напр., проблематику так называемых «ложных друзей переводчика» – межъязыковую омонимию; Kusal 2002);

– влияние правописания – помимо межъязыкового родства и межъязыковой дифференциации – несомненно имеет свою долю на правильности/неправильности интерпретаций, как и визуальная форма текста с учётом системы графем и правил записи языковых проявлений соответствующего языка – в этом отношении предпосылкой является большая степень дискомфорта восприятия чешскими респондентами правописания польского языка.

Самым популярным современным представителем славянской литературы жанра «фэнтэзи» является Анджей Сапковский (Andrzej Sapkowski), польский писатель, известный читателям многих славянских и неславянских стран, – особенно благодаря его сагам о Волшебнике и Ренмаре из Белавы (Reinmar z Bielawy) – роману-трилогии *Башия дураков* (*Narrenturm*, 2002), *Божья боины* (*Boży bojownicy*, 2004) и *Вечный свет* (*Lux perpetua*, 2007). А. Сапковский относится к авторам, функционально работающим с экспрессивностью выражения, которой он достигает – помимо иных стилистических приёмов – и частым использованием фразеологических единиц, их творческим варьированием и эффективной актуализацией. Поскольку речь идёт о произведениях, переведённых на многие языки (не исключая словацкий и чешский), словацкий и чешский переводы в сравнении с польским языковым оригиналом создают подходящую основу не только для сопоставления фразеологического потенциала соответствующего языка и проникновения в творческую лабораторию переводчика, но и дают возможность рассмотреть фразеологическую компетенцию чешских читателей, представленных в нашем случае студентами (в количестве 452 респондента)¹. В анкетах, предложенных нами, задачей опрашиваемых было адекватно интерпретировать семантически ограниченный набор семи фразем, извлечённых из произведения *Башия дураков* (в оригинале и чешском переводе *Narrenturm*), а также привести соответствующий семантический эквивалент родного языка. Студенты университета в Усти на Лабе оценивали набор словацких фразем, а студенты университета Брно – польские фраземы.

Исследованная группа фразем образовала следующие фразеологические единицы (для наглядности приводим их в форме, использованной не только в польском оригинале или словацком переводе, но и в переводе чешском):

1. Czterooosobowa załoga **uwijała się jak w ukropie**, szyper kłął i poganiał. // Štvorčlenná posádka **dobré že sa od roboty nepretrhla...** //... rovněž čtyři členové jeho posádky **se ani na chvíli nezastavili**.

2. Aż **włosy podnosiło**. // Človeku až **vlasý stávali dupkom**. // ... z něhož **vstávaly vlasý na hlavě**.

¹ Избранная для исследования группа опрашиваемых – 452 студента (VŠ) была относительно соразмерно дифференцирована не только количественно (в обследовании участвовали 252 чешских респондента из Усти на Лабе и 200 опрашиваемых из Брно), но и качественно – по своему профессиональному профилю (студенты 1–4 курсов богемистики и будущие учителя начальных классов общеобразовательных школ Педагогического факультета UJEP, Ústí nad Labem, а также студенты 1–4 курсов богемистики Философского факультета MU, Brno).

3. **Jak grzyby po deszczu** wyrastają fałszywi prorocy... // **Ako huby po daždi** vyrastajú falošní proroci... // **Jako houby po dešti** se všude kolem množí falošní proroci...

4. Eustachy von Rochow też podjechał i też **wyszczерzył zęby**. // K vozu sa priblížil aj Eustachy von Rochow. A tiež **vyceril zuby**. // Eustach z Rochova se rovněž priblížil a **rovněž se usmál**.

5. Masz raz na zawsze **wybić z głowy** żonę Gelfrada Sterczy... // Raz a navždy **si vybi z kotrby** ženu Gelfrada Sterczu... // Jednou provždy **si vyžeň z hlavy** ženu Gelfrada Štercy...

6. **Nie suknia zdobi człowieka** – odrzekł zimno Szarlej. // **Šaty nerobia človeka** – ľadovo zareagoval Šarlej. // „**Šaty nedělají člověka**” – odtušil nevzrušeně Šarlej.

7. [...] kobieta mogła równie dobrze **mieć na karku czwarty, jak i ósmy krzyżyk**. // [...] žena mohla **mať na chrbte** rovnako **štvrtý, ako aj ôsmy krížik**. // [...] ženě mohlo **táhnout** stejně dobře **na pátý, jako na osmý křížek**.

Фразеосемантическая интерпретация имеет свои специфические особенности, вытекающие из статуса фразем как (большей частью) образных устойчивых словосочетаний, в рамках которых отдельные компоненты часто выделяются своей выразительной семантической переносностью. Именно поэтому результаты нашего исследования отражают не только межъязыковые контакты или status quo пассивного чешско-словацкого билингвизма, но и фразеологическую компетенцию или некомпетенцию исследуемой пробной группы фразеологизмов как вообще, так и в частности.

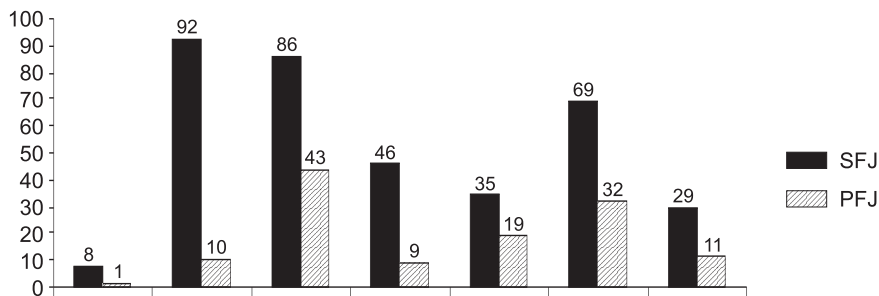

График 1. Сопоставление успешности (%) чешских студентов при оценке словацких фразеологических единиц (SFJ) и польских фразеологических единиц (PFJ) для отдельных архисем

ФЕ № 1. Czteroosobowa załoga **uwijała się jak w ukropie**, szyper kłął i poganiał. // Štvorčlenná posádka **dobře že sa od roboty nepretrhla...** //... rovněž čtyři členové jeho posádky **se ani na chvíli nezastavili**.

Более серьёзные проблемы с семантической интерпретацией появились у респондентов наиболее отчётливо при первой ФЕ, а именно – в отношении

как к словацким фразеологическим единицам (ниже SFJ), так и польским фраземам (ниже PFJ), но корни их фразеосемантической интерпретационной неудачи весьма различны и дифференцированы.

В случае SFJ причины непонимания архисемы² коренились в проблеме выражения отрицания³ в структуре фраземы и влиянии этого на специализацию значения фраземы. Превалирование иронического понимания⁴, однако, стало для студентов «камнем преткновения». При попытках идентификации архисемы они не обращали, как выяснилось, должного внимания наличию компонента *dobře že*, который в соединении с отрицанием принципиально влияет на фразеосемантическую характеристику и допускает лишь значение упорного труда.

Наоборот, в отношении к PFJ коммуникативная неудача была обусловлена неспособностью студентов справиться с неизвестным лексическим компонентом либо различной фонетической формой лексем в чешском и польском языках, что является результатом фонетических изменений, произошедших в рамках самостоятельного развития двух славянских языков. Трудным местом для респондентов оказался компонент *uwijała się*, который подталкивал их к неверной архисеме, исходящей из фонетически близкой формы чешского глагола *uvitala* или *ujala*⁵, либо в комбинации с заменой

² *Krátký slovník slovenského jazyka* [2003, 622] при фраземе *trhať sa v robote* приводит семантическую характеристику *veľmi húževnato robiť*. Форма с употреблением отрицания расширяет поле семантической интерпретации, поскольку кроме возможности уже упомянутого фразеологического значения эта фразема с ослабленной образностью, в которой ключевым словом, понимаемым как основа семантического переноса, становится глагольный компонент *pretrhnúť sa* (утомиться чрезмерным напряжением), который допускает и ироническое, противоположное значение.

³ KSSJ для частицы *dobře že* отмечает, что вместе с отрицанием она выражает крайнюю, но неосуществимую степень действия (*div (že) nie, takmer áno*) и документирует приведенное значение примером фразеологического и нефразеологического употребления: *chodil, dobre si nohy nezodral; bol by vyliezol dobre že nie na strechu*. При оценке случаев с компонентом *dobře/dobre že, div/div že* в позиции лимитирующего глагола (напр., *oči mu šli vypadnúť – dobre/že/mi oči nevypadnú – div mu oči nevypadnú*) замены (аналогичные употреблению глагола *ísť* в сочетании с частицами), как оказывается, не меняют сущности фразеологической единицы и основные компоненты её значения сохраняются. В приведенных отношениях нам поэтому пришлось исключить из круга правильных ответов такие ответы, которые акцентировали лень и небрежное отношение к труду, что принципиально отразилось на итоговой процентной успешности (или, скорее, – неуспешности) правильной семантической интерпретации данной фраземы.

⁴ Напр.: *nepracovala, flákala se, nenadřela se, líný člověk se nemá k práci, vše mu trvá a otáčí, schválně zdržuje, v práci nejsou příliš produktivní, nepracovat na 100%, s plným nasazením, posádka nepracovala tak, jak by měla, laxní přístup k práci* и т. п.

⁵ Напр.: *svijela se jak užovka, kroutila se jak žížala, kroutit se netrpělivostí (do vývrtky), svíjela se jak v křeči, jak v horečce, vykrucovala se z něčeho (ze slíbeného úkolu)* и др.

czterooosobowa/česká osoba/čestná osoba – к другим ошибочным интерпретациям⁶ – вплоть до толкований, менее прозрачных по мотивации⁷.

ФЕ № 2. *Až wlosy podnosilo. // Človeku až vlasly stávali dupkom. // [...] z něhož vstávaly vlasly na hlavě.*

На основе анализа неправильных ответов можно констатировать, что непонимание SFJ было обусловлено не различными лексическими компонентами (об этом свидетельствует выразительная успешность), но скорее всего неспособностью идентифицировать архисему (испуганный, перепуганный, удивлённый), т. е. речь шла скорее о фразеологической некомпетентности как таковой. Чаще всего речь шла о семантической интерпретации, характеризующей соответствующее психическое состояние неверно подобранными прилагательными⁸ и неадекватными фраземами⁹.

Иная ситуация возникла при оценке PFJ, в которой (кроме уже упомянутой некомпетентности) причиной трудностей для студентов оказалась как глагольная форма *podnosilo* – она вызывала у студентов ассоциацию с ФЕ, связанными с глаголом *nosit*¹⁰, так и сосредоточение внимания лишь на компоненте *wlosy*, что вело или «подвело» респондентов к иному типу архисемы – связанной с течением времени¹¹.

ФЕ № 3. *Jak grzyby po deszczu wyrastają fałszywi prorocy... // Ako huby po daždi vyrastajú falošni proroci... // Jako houby po dešti se všude kolem množi falošni proroci...*

Большие проблемы при определении архисемы вызывала отнюдь не эта фразема (при оценке PFJ в графике 1 она даже показывает более высокий рейтинг). В её пределах респонденты отмечали не только значение степени и множества (очень, чрезвычайно), но обращали также внимание на значение быстрого, внезапного появления, основывая в некоторых случаях фразеосемантическую интерпретацию на взаимосвязи данных возможностей.

Высокая процентная успешность двух групп опрашиваемых показывает, что фонетическая форма словацкого компонента *huba* в сопоставлении с чешским *houba* или польским *grzyby* не представляла сколько-либо выразительного источника неясности. Процент успешности SFJ снижали ответы,

⁶ Напр.: *uvitala tě bez nálady, česká osoba něco uvitala, čestná osoba se ujala sirotka* и т. п.

⁷ Ответы типа: *jak si kdo ustele, tak si lehne, kdo jinému jamu kopá, sám do ní padá, 4 osoby pospíchali jako při pohřbu, vypadala jako smrtka* и т. д.

⁸ Напр.: *bol odpuzujúci, drzý, šílený, nervózní, otravný, nepříjemný, rozčarovaný, rozčilený, otravný, dotěrný, neodbytný, problémový*; или наречными оборотами (*bylo mu špatně, bylo mu nevolno*).

⁹ ФЕ типа: *bylo mu k nevydržení, šlo ho porazit, bol vyvedený z míry, dělal si starosti, někdo ho vytočil, rozum se mu zastavil z něčeho, lezlo mu něco na nervy* и т. п.

¹⁰ Ответы: *až pod nos donesli, tak dlouze se chodí se džbánem po vodu, až se ucho utrhne* и др.

¹¹ Напр.: *až vlasly porostou, až vlasly odnosi, až vlasly zbělejí, až mu vypadají vlasly*, отраженные и чешской ФЕ *až naprší a uschne* и т. п.

ограничивающиеся, например, лишь переводом, так же как и объяснения, разительно отличающиеся от верной семантической интерпретации, обусловленной обращением внимания на составную часть контекста, который не был предметом оценки – на ФЕ *falošný prorok*¹².

ФЕ № 4. Eustachy von Rochow też podjechał i też **wyszczерzył zęby**. // K vozu sa približil aj Eustachy von Rochow. A tiež **vyceril zuby**. // Eustach z Rochova se rovněž približil a **rovněž se usmál**.

На основе сравнения оригинала и переводов очевидно, что автор чешской версии – в отличие от своего словацкого коллеги-переводчика – не использовал фразеологического эквивалента.

Как показывает график 1, результаты двух образцов корпусов количественно значительно отличаются, причём, вновь не в пользу PFJ, но с интерпретационной точки зрения интересными можно признать ответы студентов, оценивающих также SFJ.

Так же, как и в случае ФЕ № 2, и по отношению к этой фраземе можно говорить о неуспешности, вытекающей скорее из неспособности идентифицировать архисему (а следовательно, и из фразеологической некомпетентности вообще), чем из понимания отдельных лексических компонентов¹³.

В случае PFJ (как это показывает и более низкое процентное соотношение успешности), однако, обнаружились и фразеосемантические псевдоинтерпретации, демонстрирующие непонимание, вызванное препятствующей звуковой формой и семантическим различием польского и чешского глаголов (напр. *vyčistil si zuby*), либо ещё более курьёзные ответы, отражающие даже непонимание другого компонента PFJ типа: *vystřílet zvířata*; *vystřílet zebry*.

ФЕ № 5. Masz raz na zawsze **wybić z głowy** żonę Gelfrada Sterczy... // Raz a navždy **si vybi z kotrby** ženu Gelfrada Sterczu... // Jednou provždy **si vyžeň z hlavy** ženu Gelfrada Štercy...

Любопытные результаты зарегистрированы нами при анализе ответов студентов для кажущейся беспроблемной с точки зрения межъязыковой эквивалентности ФЕ, поскольку в случае этой соматической фраземы могла ожидать относительно высокая успешность. Проблемой, однако, стали различные – в двух примерах особенно лексические компоненты (в SFJ проблемным стал лексический вариант, в PFJ – лексико-варьируемый компонент).

¹² В качестве иллюстрации приводим несколько примеров, обнаруженных при SFJ: *upřímný člověk, co si myslí, to poví – co na srdci, to na jazyku; když skončí nějaká akce, která se nepovedla, spousta lidí říká, že by to udělala lépe – po bitvě je každý generál; vyjádření něčeho názoru; když někdo lže; nikdo by neměl soudit nic dopředu*, но и чешских: *po boji je každý generál, nevěř falešným prorokům, je spousta lidí, kteří si myslí, že vědí všechno; když se něco děje, všichni jsou zalezlí, ale potom vylezou; všichni jsou moudří, když se jich to netýká* и т. п.

¹³ Это демонстрируется ответами, ограничивающимися лишь переводом, либо ответы типа: *byl drsný, byl nepřijemný, nepřístupný; nechoval se hezky, vyděsil se* и т. д.

В случае словацкой формы ФЕ *vybi si z kotrby* чешские студенты должны были справиться с интерпретацией лексического варианта фраземы (*vybit' si z hlavy – vybit' si z kotrby*), образованного заменой стилистически нейтрального компонента *hlava* синонимической, но экспрессивной лексической единицей *kotrba*. Замена компонентов в пользу компонента, неизвестного для молодого поколения чехов, привела к выразительной неуспешности при попытках определения значения и при приведении возможных чешских эквивалентов данной фраземы. В приведённых реакциях можно заметить две основные интерпретационные позиции: в первой на передний план в связи с глагольной формой *vybit'* выступает аспект насильственного выселения объекта (женщины) из жилища¹⁴, во втором случае компонент *žena* отодвигает фразеосемантическую интерпретацию по направлению к отношениям супружества¹⁵.

При оценке PFJ лексически варьируемый компонент, выраженный лексемой *žona*, привёл к тому, что респонденты, сконцентрировав на нём своё внимание, либо исходили из графической формы слова до такой степени, что неверно отождествляли её с чешской лексемой *žóna*¹⁶, либо пытались вывести архисему лишь на основе этого компонента – хотя и семантически верно идентифицированного¹⁷.

ФЕ № 6. **Nie suknia zdobi czlowieka** – odrzekł zimno Szarlej. // **Šaty nerobia človeka** – ľadovo zareagoval Šarlej. // „**Šaty nedělají člověka**” – odušil nevzrušeně Šarlej.

Вопреки тому, что процент успешности в обоих случаях (при SFJ и при PFJ) – в сравнении с остальными фразеологическими единицами – относительно высок (69% и 32%), вновь всё же можно констатировать различные причины неудачи опрашиваемых по отношению как к словацкой, так и польской ФЕ. Достойной внимания причиной при SFJ с точки зрения неузуального употребления фразем в речи была модификация этой фраземы – проблемой стало глагольное отрицание, обусловившее актуализацию всей фразеологической единицы, в то время как при PFJ непонимание было обусловлено различными лексическими компонентами и влиянием окружения фраземы, на котором сосредоточили своё внимание студенты, стремящиеся понять фразему.

Если взглянуть на процентное соотношение адекватной семантической интерпретации этой ФЕ с формами *šaty nerobia človeka* / *šaty nedělají člověka*,

¹⁴ Напр.: *vyhnat ženu z chalupy, vyhnat ženu z domu, stavění, vyhnal ji z domova, vyhodit ji z pokoje* и др.

¹⁵ Напр.: *pravděpodobně při vdavkách, vzal si jí za ženu, za manželku, šel do chomoutu, už je pod pantoflem, uvázal si ji na krk* и т. п.

¹⁶ Напр.: *byl vyhozen ze skleněné zóny; máš zraz na zastávce v zóně; nebýt jak ostatní – vybočit ze strany* и т. п.

¹⁷ Ответы: *vybít z hlavy ženy nesmysly, ženy plodí zlo – viz Eva a Adam* и т. д.

то в определённой степени может удивить снижение процентов успешности, которое обусловлено не различием лексических единиц в словацком и чешском варианте фраземы (*dělat – robiť*), а тем, что опрашиваемые не заметили отрицательной формы глагольного компонента (*robia – nerobia*) и обусловленного этим семантического сдвига. Закреплённая в сознании исходная форма *šaty robia človeka / šaty dělajú človeka* в значении *človeka posudzujú, súdia podľa oblečenia* тем самым в неверных ответах перевесила внимательное восприятие реализованной в тексте актуализации фраземы, поэтому в случае ответов, обусловленных фразеологическим значением основной формы фраземы, речь идёт о проявлении отношения к фраземе как к неизменяемой, окаменевшей единице, единице с прочно устойчивой утвердительной формой, т. е. о выражении недопустимости вмешательства в состав фраземы, в её структуру.

Как мы уже показали, при PFJ причины неверной формулировки архисемы были различными. Несмотря на множество ответов, ограниченных лишь переводом (более или менее верным)¹⁸, «отвлекающим элементом» во многих случаях стали польские компоненты фразеологической единицы, а именно: *suknia* и *zdobi*, которые вместе с лексемой *zimno* из контекста (*odrzekł zimno Szarlej*) подвигли студентов к буквальному пониманию фраземы¹⁹.

ФЕ № 7. [...] *kobieta mogła równie dobrze mieć na karku czwarty, jak i ósmy krzyżyk. // [...] žena mohla mať na chrbte rovnako štvrtý, ako aj ôsmy krížik. // [...] ženě mohlo táhnout stejně dobře na pátý, jako na osmý křížek*²⁰.

Последняя интерпретируемая ФЕ также была «проблемной» (график 1) – а именно для обеих групп респондентов (оценивающих SFJ и тех, кто интерпретировал PFJ) – хотя и не абсолютно идентичным образом либо равной степенью неудачи. Поскольку причины этого не одинаковы, рассмотрим их подробнее.

При SFJ в качестве явно проблемной оказалась лексема *krížik* – чеш. *křížek*. В некоторых случаях для SFJ даже в сочетании с формой существительного *chrbát*. В других ответах, наоборот, именно предложная форма *na chrbte* представляла определённый «спасительный, опорный» пункт, который однако при неосознанности связи между лексической *krížik/krzyżyk* не был достаточным для правильного выражения архисемы²¹. При PFJ лексе-

¹⁸ Напр.: *šaty dělajú človeka, šaty nedělajú človeka či nejen šaty dělajú človeka, ne oblečeni zdobi človeka, ne sukně zdobi človeka* и т. п.

¹⁹ Напр.: *oblékej se podle počasí, nejen podle toho, jaký máš udělat dojem; šaty nedělají človeka, když je zima; když je krásná sukně, tak to nepomůže, aby zahrála; frajeřina nehřeje; dobře se obleč, budeš dobrý* и т. п.

²⁰ В первую очередь необходимо обратить внимание на несопоставимость в переводе с точки зрения использованного числительного – в оригинале и словацком переводе оно было идентичным, а чешский переводчик заменил «восьмой крестик» пятым (*ôsmy krížik piatym*).

²¹ Напр.: *mohla mít za sebou čtvrté nebo osmé dítě; několikrát mohla přijít o život; žena pobrala všechno; nezáleželo, jestli měla 4 povinnosti nebo 8; ženu pronásledují nějaké problémy, nese sebou těžký úder (nese na bedrech kříž), mít něco na zádech, trest*; многочисленными были

ма *krzyżyk* вместе с другими неизвестными для респондентов лексическими компонентами (или уже в рамках фраземы – *mieć*, либо её окружения – *kobieta, równie, dobrze*) мотивировала ответы, исходящие из другой фраземы либо дословного понимания²².

Последнюю категорию неуспешных семантических интерпретаций (а именно для обеих категорий респондентов) представляют те, в пределах которых респонденты заметили, что речь идёт о возрасте женщины, но лексический компонент *křížek/křížik/krzyżyk* остался для них семантически завуалированным или исходящим лишь из одной части его спецификации²³.

Представленные результаты (см. график 2), таким образом, пластично подтверждают первоначальные ожидания, обусловленные характеристикой степени родства и близости языков (чешский и словацкий – южная подгруппа западнославянских языков, польский – лехитская подгруппа западнославянских языков) и связанную с ней большую или меньшую понятность

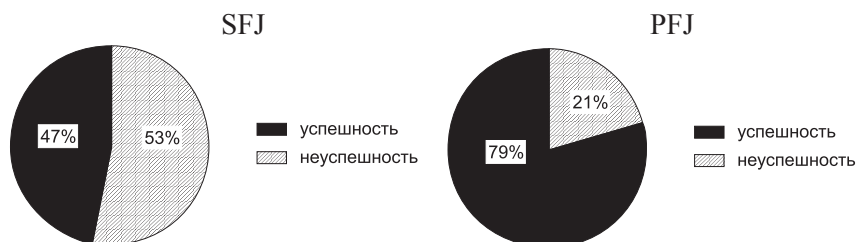

График 2. Сравнение общей фразеологической компетенции чешских вузовских студентов при оценке корпуса словацких фразеологических единиц (SFJ) и корпуса польских фразеологических единиц (PFJ) в пределах исследовательской программы

компонентов соответствующего языка, реализованных в составе фразеологических единиц, где свою основную роль играют лексические, фонетические, а иногда и морфологические различия, а с точки зрения визуальности – различия орфографические (система графем, употребляемых для записи фонем целевого, иностранного языка в противопоставлении к системе графем исходного, родного языка респондентов).

и рассуждения респондентов, направленные на теологическую сферу, напр.: *byla velmi pobožná, žena měla za sebou už nějaké hříchy, mohla mít na bedrech hřích, který si sebou nesla, mít na svědomí šestý (!) až osmý hřích, nezáleží na tom, kolikrát se proviníme, pokud se to stalo vícekrát, ostatní nás už budou stejně brát jako hříšníky* и др.

²² Напр.: *měla na krku gardu a osm křížníků; měla na krku meč – byla pod nátlakem; ani svěcená voda ji nepomůže; nepomůže ji ani tisíc křížků, když se o kobyliku dobře staráš, dobře pracuje; kobylika klusala rovně, dobře, majíc na krku chomout, i kobylika by mohla dobře nosit kravatu na krku, míč polétl daleko za osm metrů, mohla stejně dobře mít na krku korále i křížek* и т. д.

²³ Напр.: *kolik má člověk křížků, tolik má roků, jedná se o věk, označení stáří, byla /moc/ stará, vypadá přepracovaně a staře, žena vysokého věku* – осознание невралгического флёра при толковании значения фразеологической единицы вело нас при оценке ответа к тому, что неопределённые ответы этого типа были нами оценены как неверные.

Естественно, в определённых случаях результаты нашего исследования нужно рассматривать не только с учётом использованного славянского языка (словацкого – польского), но в широком контексте фразеологической компетенции, и особенно в отношении к проблематике актуализаций и вариантов фразем (подлежающим исследованию при фраземе № 1, либо также при фраземе № 6). Если же, однако, мы сосредоточим своё внимание на проблемы фразесемантической интерпретации, обусловленные межъязыковыми различиями двух или, точнее, трёх славянских языков (чешский, словацкий, польский), то необходимо заметить, что – в некотором отношении неожиданно – невралгическими пунктами в некоторых случаях стали не только лексемы отличающиеся в сопоставляемых языках (межъязыковая синонимия), но и лексемы, унаследованные в отдельных языках ещё из праславянского языка (напр. *zuby – zęby, žena – żona*). Это является подтверждением тому, что специфическая фонетика и её развитие в отдельных языках (конкретно в отношении к приведённым примерам: древнепольская депалатализация, носовой гласный в фонетической системе польского языка) вопреки праславянскому происхождению лексической единицы и её наличию в группе генетически родственных языков могут становиться источником значительных интерпретационных затруднений. С другой стороны, общее лексическое праславянское наследие (напр. *vlasý – włosy*) – даже при отражении соответствующих фонетических изменений (проблематика метатезы главных звуков) – представляло собой в попытках установления архисемы определённый спасительный пункт интерпретаций, который, однако, без необходимого знания других – как обязательных, так и факультативных – элементов фразеологических единиц данного языка (в коннотациях к родному языку) не всегда представлял гарантию адекватной фразеосемантической интерпретации.

Меру «иностраннысти», «чуждости» языка с точки зрения чешских респондентов, кроме эксплицитно выраженных в вопросниках фразеосемантических попыток устанавливает и относительно высокий процент отказа от определения архисемы – до 53% из общей процентной неуспешности (79%) польская форма фразеологических единиц была для чешских вузовских студентов настолько непрозрачной, что они намеренно отказались от возможности хотя бы ассоциативной интерпретационной линии. Интерпретационная беспомощность этого типа особо очевидно проявилась в случае фраземы № 1, и наоборот, – меньше всего ограничений при демонстрации своего восприятия фразеологической единицы было у испытуемых при фраземе № 3. Отказ от определения архисемы проявлялся, естественно, и в случае словацкой формы фразеологических единиц. Процент респондентов, которые таким способом сигнализировали неидентифицируемость архисемы, был значительно более низким – из общей 47-процентной неуспешности лишь 14% не пытались представить фразеосемантическое толкование. Любопытно, что наивысший процент не ответивших на анкеты был достигнут в словацкой языковой версии при фраземе № 5, наименьший же процент – так же, как и в польской версии, – при ФЕ № 3.

Общие результаты 53-процентной успешности определения подходящей архисемы для словацких и 21-процентной успешности определения подходящей архисемы для польских фразеологических эквивалентов тем самым частично картографирует и современный уровень отношения чешского и словацкого языков, и отношения чешского и польского языков в аспекте потенциального прогнозирования предполагаемой эквивалентности восприятия словацкого и польского языков у носителей чешского языка.

Литература

- Dolník J., 2007, *Súčasná spisovná slovenčina a jej problémy*, Bratislava: Stimul.
- Dudášová-Kriššáková J., 2001, *Fonologický systém spisovnej slovenčiny a poľštiny z typologického hľadiska*. In: *Kapitoly zo slavistiky*, Prešov: PU, c. 86–98.
- Krátky slovník slovenského jazyka*, 2003, 4. vyd., Bratislava: Veda.
- Kusal K., 2002, *Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych*, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Miko F. и др., 1989, *Frazeológia v škole*, Bratislava: SPN.
- Mitter P., 2007, *K recepci slovenštiny u českých studentů učitelství na PF UJEP v Ústí nad Labem*. In: *Slovo o slove*, roč. 13, Prešov: PU.
- Nábělková M., 1999, *Slovenčina a čeština dnes. Kontakt či konflikt*. In: *Slovenčina v kontaktoch a konfliktach s inými jazykmi. Sociolinguistika Slovaca*, 4, Ed. S. Ondrejovič, Bratislava: Veda, c. 75–93.
- Nábělková M., 2005, *Slovenčina v súčasnom českom prostredí. Sonda do interjazykovej komunikácie*. In: *Euroletteraria & eurolingua*, Ed. O. Uličný. Liberec: Technická univerzita, c. 250–260.
- Nábělková M., 2006, *Slovenčina v súčasnom českom prostredí. Sonda do internetovej komunikácie*. In: *SAS*, 35, Ed. M. Vojtech, J. Mlacek, Bratislava: Stimul, c. 451–464.
- Pauliny E., 1963, *Fonologický vývin slovenčiny*, Bratislava: Vydavateľstvo SAV.
- Sapkowski A., 2003, *Veža bláznov*, перев. K. Chmel, Bratislava: Slovart.
- Sapkowski A., 2005, *Narrenturm*, перев. S. Komárek, Ostrava: Leonardo.
- Sapkowski A., 2007, *Narrenturm*, Warszawa: SuperNowa.

Phraseological competence from the linguistic and cultural aspect. Czech–Slovak/Czech–Polish languages

Summary

By means of an analysis of the results of socio-linguistic research focusing on the interlanguage (Czech – Slovak and Czech – Polish) phraseological competence, the authors dealt with the so far relatively neglected phraseological aspect. Material basis for this research became the Polish original and the Slovak translation of the work *Narrenturm* by Polish writer Andrzej Sapkowski. The phraseological equivalents extracted from this work became the source of analysis of the ability of the researched sample of respondents – in this case Czech university students, as representatives of the present young generation – to adequately semantically interpret phrasemes of a cognate language (identification of an archiseme).